

Л. Н. Кривоченко, канд. юрид. наук

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Классификация преступлений представляет собой деление всех предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний на отдельные категории, обладающие специфическими признаками и влекущие определенные уголовно-правовые последствия. Такая классификация преступлений в Общей части имеет большое теоретическое и практическое значение [см.: 1, 5, 12]. Целью ее, прежде всего, является правильное и единообразное в своей основе применение важнейших институтов Общей части уголовного права к различным по тяжести преступлениям, четкая регламентация предусмотренных законом уголовно-правовых последствий. Анализ действующего законодательства позволяет установить непосредственную зависимость от классификации некоторых институтов назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания (например, определение видов ИТК, назначение лишения свободы в виде тюремного заключения, освобождение от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда или с передачей виновного на поруки; применение принудительных мер воспитательного характера). Четко регламентированная законом классификация преступлений, несомненно, могла бы во многом определять применение и других институтов Общей части, например, влиять на решение вопросов об ответственности за приготовление к преступлению, за прикосновенность к преступлению и пр. Классификация преступлений должна являться основой для индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Однако нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением, что классификация преступлений, т. е. отнесение преступления к определенной категории, «влияет на выбор вида ответственности (уголовная, административная ответственность или ответственность перед

общественными организациями») [15, с. 61]. К какой бы категории не относилось преступление, оно находится в рамках общего понятия преступления, обладает всеми присущими ему признаками, и поэтому характерным последствием его является уголовная ответственность и наказание. Лишь при совершении некоторых преступлений, включенных законодателем в определенную категорию, в силу объективных и субъективных обстоятельств конкретного случая действительно возможно освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Так, в действующем законе возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей в товарищеский суд или с передачей виновного на поруки связывается с совершением преступлений малозначительных или не представляющих большой общественной опасности (ст. 51 УК УССР, ст. 51, 52 УК РСФСР).

Принципиальное значение классификация преступлений должна иметь и для вопросов Особенной части. Прежде всего, она должна быть основой для построения санкций статей Особенной части, так как именно санкция является законодательной оценкой тяжести данного вида преступления [см.: 12, с. 46]. Кроме этого, предусмотренная в Общей части уголовного права классификация преступлений может определять построение и правильное применение отдельных норм Особенной части (например, ч. 2 ст. 125, ч. 2, ст. 174, ч. 2, ст. 178 УК УССР).

Непосредственное влияние рассматриваемая классификация преступлений оказывает на классификацию преступников, предопределяя ее содержание. Справедлив вывод В. Д. Филимонова о том, что «классификация преступников прежде всего основывается на классификации преступлений» [19, с. 15].

Обоснованно подчеркивают значение классификации преступлений для вопросов статистики, учета преступности, ее структуры [см.: 3, с. 122—123; 13, с. 72; 20, с. 104].

Наконец, классификация преступлений в Общей части имеет значение и определенного приема законодательной техники, исключающего необходимость использования в законе громоздких перечней преступлений при характеристике отдельных уголовно-правовых институтов. Еще Э. Я. Немировский, анализируя значение классификации, писал, что «проще обозначить одним общим названием все те статьи, при которых применяются одни постановления, чем перечислять их» [11, с. 54].

Однако несмотря на важность проблемы классификация преступлений не получила достаточной регламентации в действующем законодательстве. Прежде всего, следует отметить, что ни в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ни в уголовных кодексах нет норм, определяющих понятие и значение классификации преступлений, категории преступлений, их уголовно-правовые последствия. Лишь одна категория — тяжкие преступления — получила свое определение

и конкретизацию в перечне преступлений (ст. 7¹ Основ, ст. 7¹ УК УССР).

Остальные категории (особо тяжкие, не являющиеся тяжкими, не представляющие большой общественной опасности, мало-значительные) фактически лишь называются применительно к характеристике отдельных институтов Общей части (см. например, ст. 10, 24, 25, 35, 51 УК УССР). Каких-либо критериев разграничения этих категорий закон не содержит. Все это свидетельствует, что классификация преступлений в действующем законодательстве только лишь намечена и требует серьезного совершенствования [см.: 6, 16].

Недостаточно исследована проблема классификации преступлений в теории уголовного права. Нет ни одной монографии, посвященной этой проблеме. Не рассматривалась она и в диссертационных работах. Лишь в последние годы вопросы классификации преступлений привлекли к себе определенное внимание [см.: 1—8, 12]. Высказано много интересных положений, касающихся как общих вопросов классификации преступлений, так и характеристики отдельных категорий преступлений. Однако и здесь среди юристов нет единства мнений. Достаточно сказать, что спорным является вопрос не только об отдельных категориях преступлений (классификационных единицах), но и об основаниях классификации. Между тем проблема классификации преступлений, как и любой другой классификации, требует, прежде всего, выяснения вопроса об основаниях классификации — классификационных критериях.

В советской юридической литературе предлагаются различные решения этого вопроса. Одни авторы критерием классификации считают степень общественной опасности преступления [см.: 9, с. 175; 17, с. 41]. Другие — общественную опасность определенного вида преступления в целом, т. е. ее характер и степень [см.: 6, с. 141; 16, с. 61, 12, с. 50]. Третьи — характер и степень общественной опасности конкретного, совершенного лицом преступления. Так, С. Степичев писал, что понятие менее тяжкого, тяжкого и особо тяжкого преступления следует определить «исходя не из общественной опасности того или иного преступления вообще, а из общественной опасности данного преступления, нашедшей свое индивидуальное выражение в размере наказания, назначенного судом виновному лицу» [14, с. 15]. Четвертые — в качестве критерия классификации предлагают учитывать общественную опасность как деяния, так и личности преступника [см.: 10 с. 14]. Иногда вообще считают невозможным установить единый критерий классификации, предлагая для отдельных групп преступлений использовать различные критерии. Так, по мнению Е. В. Болдырева, для одной группы преступлений имеет значение только характер общественной опасности, для другой — не только характер, но и ее степень, для третьей — помимо характера и степени общественной опасности преступления должны учитываться харак-

тер и степень общественной опасности личности преступника [см. 1, с. 95, 96; 4, 56, 67].

Очевидно, критерием любой классификации может выступать лишь такой признак, который, во-первых, отражает существо классифицируемых явлений, их единство, во-вторых, не исключает специфики каждого класса явлений, их различия.

Чтобы определить критерий, лежащий в основе классификации преступлений, необходимо исходить из существа преступления как социального явления, из основного материального признака, определяющего его содержание. Таким признаком является, как известно, объективная реальная опасность преступного деяния для социалистических общественных отношений. Деяние потому и признается преступлением, что оно причиняет либо содержит в себе реальную угрозу причинения вреда социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Общественная опасность является общим материальным признаком всех преступлений, однако ее характер и степень в различных преступлениях не одинаковы. Это и дает возможность при единой сущности определить различия между отдельными преступлениями по их тяжести, дифференцировать их на определенные группы. В основу такой дифференциации должна быть положена общественная опасность преступления в целом, т. е. ее характер и степень, которые только в совокупности и могут определить действительную тяжесть преступления. При этом в качестве критерия классификации должны выступать общественная опасность не конкретного совершенного лицом преступления, а опасность данного вида преступления, предусмотренного уголовным законом, нашедшая свое отражение в признаках состава преступления. Опасность конкретного деяния, обусловленная не поддающимися обобщению индивидуальными объективными и субъективными обстоятельствами, не может быть положена в основу характеристики той или иной категории преступлений. Обстоятельства, отягчающие или смягчающие ответственность за совершение конкретного преступления, не включенные законодателем в характеристику состава, также не могут влиять на решение вопроса об отнесении преступления к той или иной категории. Поэтому следует согласиться с А. Б. Сахаровым, что законодательная классификация «отражает характер и степень общественной опасности в тех ее пределах, которые обусловлены, главным образом, содержанием признаков состава данного преступления» [12, с. 51].

Определение той или иной категории преступлений при их классификации должно включать общую, типовую характеристику объединяемых видов преступлений и не может исходить из характеристики опасности единичных, конкретных преступлений этого вида. Исходя из того, что «классификация преступлений есть отражение объективно существующего различия между ними» [12, с. 49], следует признать необоснованными предложения учитывать в качестве критериев классификации конкретное

наказание, назначенное приговором суда за совершенное преступление, а также характер и степень общественной опасности личности виновного. И общественная опасность личности преступника, и конкретное наказание, назначенное ему, дают не только объективную, но и субъективную оценку конкретного преступления и не могут поэтому влиять на объективную характеристику опасности других конкретных преступлений этого вида. Отнесение одного и того же вида преступления в зависимости от социально-политической характеристики субъекта в конкретных случаях к различным категориям, как неоднократно отмечалось авторами, было бы прямым нарушением принципа социалистической законности, принципа равенства всех перед законом [см.: 16, с. 69]. Общественная опасность личности преступника не может быть критерием классификации преступления еще и потому, что она сама определяется опасностью тех преступлений, которые совершаются субъектом, является производной от характера и степени этой опасности. Общественной опасности личности не существует вне общественной опасности преступления, «преступление прежде всего является критерием характера общественной опасности личности» [18, с. 225]. История советского уголовного законодательства убедительно показывает, что критерий общественной опасности деяния всегда являлся решающим для характеристики законодателем отдельных групп преступлений. Уже в первых декретах Советской власти направленность и содержание карательной политики, санкции декретов, подсудность дел зависели от отнесения преступлений к одной из двух категорий: 1) к контрреволюционным и приравненным к ним по тяжести другим преступлениям, 2) к преступлениям, являющимся проявлением пережитков прошлого. Такое деление наметилось уже в декрете «О суде» (№ 1) от 24 ноября 1917.

УК РСФСР 1922 г. в ст. 27 установил следующее деление всех преступлений в зависимости от характера и степени их опасности 1) преступления, направленные против установленных Рабочекрестьянской властью основ нового правопорядка, а также признаваемые ею наиболее опасными; 2) все остальные преступления. Не изменился критерий классификации несмотря на изменение круга преступлений, входящих в ту или иную категорию. и по Основным началам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 2 которых различала преступления: а) направленные против основ Советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян и потому признаваемые ею наиболее опасными; б) все остальные. Так же решался этот вопрос и в уголовных кодексах союзных республик, в частности, УК УССР 1927 г.

Определение характера и степени общественной опасности как основного материального критерия классификации преступлений не исчерпывает рассматриваемой проблемы. Законодательная регламентация классификации преступлений предполагает выяснение определенных формальных критериев, которые являлись бы

конкретными показателями характера и степени общественной опасности и, по удачному выражению А. Б. Сахарова, были бы «сигналами» классификации [см.: 12, с. 49]. В качестве формальных критериев могут выступать только такие признаки, которые: во-первых, являются наиболее точными выразителями общественной опасности в целом, т. е. ее характера и степени; во-вторых, могут отражать специфику характера и степени общественной опасности каждой из предусмотренных классификацией категории преступлений, т. е. иметь определенную градацию; в-третьих, могут быть исчерпывающим образом определены.

Анализ понятия общественной опасности и признаков, в которых она выражается, позволяет сделать вывод, что этим требованиям в наибольшей мере удовлетворяет законодательная санкция. Именно в характере и размере санкции наиболее полно выражается оценка законодателем тяжести преступления определенного вида [см.: 2, с. 178]. С другой стороны, анализ и обобщение санкций конкретных видов преступлений дает возможность наметить такие их пределы, которые являются характерными, типовыми, для определенной группы преступлений в целом. Они-то, являясь отражением характера и степени общественной опасности, типичной для определенной категории преступлений, выделяемой в классификации, выступают ее формальными критериями. Это может быть определенный вид наказания, либо минимальные и максимальные сроки определенного вида наказания, либо сочетание различных видов наказания. Например, в качестве формального критерия для одной категории может быть указано лишение свободы на срок от шести до десяти лет; для другой — лишение свободы на срок до двух лет или другие виды наказания, не связанные с лишением свободы. Первая попытка классификации на основе сочетания материального и формального критериев была установлена в ст. 27 УК РСФСР 1922 г. С 1-й категорией преступлений («направленных против установленных Рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка, или признаваемых ею наиболее опасными») она связывала санкции «не ниже» определенного предела наказания; а со 2-й («все остальные преступления») — санкции «не выше» определенного законом предела.

Однако роль формального классификационного критерия санкция может выполнить тогда, когда она сама есть результат, следствие научно-обоснованной классификации преступлений, результат наиболее точной оценки законодателем характера и степени общественной опасности конкретных видов преступлений. Только в этом случае сама санкция будет служить обоснованным показателем отнесения преступления к определенной категории.

Анализ санкций в действующем законодательстве, как справедливо подчеркивают многие авторы [см.: 1, 3, 6, 12], свидетельствует, что такое соответствие между ними и названными законодателем категориями преступлений в настоящее время не достигнуто. Достаточно указать на санкции некоторых преступлений, отнесенных к категории тяжких. В соответствии со ст. 7¹ УК УССР

к тяжким относятся, например: хищение путем кражи, совершенное в крупных размерах или особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 81 УК УССР) — санкция от пяти до 15 лет лишения свободы; умышленное уничтожение государственного или общественного имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 89 УК УССР) — санкция до 10 лет лишения свободы; злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206 УК УССР) — санкция от одного года до пяти лет лишения свободы; спекуляция при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 154 УК УССР) — до шести лет лишения свободы. Как видно из этих примеров, какой-либо закономерности в пределах санкций выявить нельзя. Не касаясь вопроса о характеристике категорий преступлений, необходимо сказать, что рассмотренные критерии классификации — характер и степень общественной опасности преступления и санкция — должны быть едиными для всех категорий преступлений, выделяемых в законодательной классификации. Необоснованной является попытка построить классификацию на основе различных критериев для каждой категории преступлений [см.: 1, с. 95; 4, с. 56].

Список литературы

1. Болдырев Е. В. Законодательное закрепление классификации преступлений по признаку общественной опасности. — «Учен. зап. Вsesоюз. науч.-исслед. ин-та Сов. законодательства». Вып. 22. М., 1970.
2. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948. 311 с.
3. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., «Юрид. лит.», 1973. 284 с.
4. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., «Наука», 1974. 231 с.
5. Кузнецова Н. Ф. Классификация преступлений. — «Сов. государство и право», 1967, № 6, с. 43—50.
6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., Изд-во Моск. ун-та, 1969. 231 с.
7. Курляндский В. И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью. — «Сов. государство и право», 1972, № 9.
8. Курляндский В. И. Нужен ли кодекс проступков? — «Лит. газ.», 1972, 17 мая, с. 12.
9. Курс советского уголовного права. Часть Общая, Т. 1, Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 642 с.
10. Михлин А. Каким должно быть понятие тяжкого преступления. — «Сов. юстиция», 1969, № 12, с. 14—15.
11. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная. Одесса, 1925.
12. Сахаров А. Б. О классификации преступлений. — В сб. Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., «Юрид. лит.», 1972, с. 42—55.
13. Серебрякова В. Обсуждение проблем уголовной статистики. — «Соц. законность», 1964, № 12.
14. Степичев С. Перечень преступлений или размер наказания. — «Соц. законность», 1968, № 1, с. 14—15.
15. Советское уголовное право. Часть Общая. М., «Юрид. лит.», 1972. 577 с.
16. Советское уголовное право. Общая часть, М., Изд-во Моск. ун-та, 1974. 441 с.
17. Уголовное право БССР. Часть Общая. Минск, Изд-во Белорусского ун-та, 1973. 361 с.
18. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, Изд-во Томского ин-та, 1970. 276.

19. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск. Изд-во Томского ун-та, 1973. 153 с.
20. Шляпочников А. С. О создании единого учета преступности — «Сов. государство и право», 1965, № 9.

В. А. Ломано, канд. юрид. наук

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

Вопрос о механизме и путях осуществления целей наказания, в том числе и при условном осуждении, сложный и в литературе мало изучен.

Наказание представляет собой меру государственного принуждения, которая применяется на основании закона лишь по приговору суда к лицам, виновным в совершении преступления. Именно в наказании находит свое выражение отрицательная оценка совершенного преступления и лица, которое это преступление совершило. Поскольку условное осуждение предполагает обязательное назначение наказания в виде лишения свободы или исправительных работ, то и здесь оценка совершенного преступления и личности виновного выражается в избранной судом по делу мере наказания.

Применяемое судом наказание направлено на достижение указанных в ст. 22 УК УССР целей. Хотя пути и методы их достижения различны, они могут обеспечиваться только применением тех наказаний, исчерпывающий перечень которых содержит ст. 23 УК УССР. Что же касается условного осуждения, условно-досрочного освобождения и некоторых других институтов уголовного права, то они изменяя в определенной мере механизм воздействия назначенного наказания, лишь способствуют достижению целей наказания. Выяснение этих особенностей предполагает прежде всего анализ целей наказания и путей их осуществления. Проблема целей наказания до сих пор вызывает в литературе полемику [см.: 6, с. 138; 8, с. 52; 12, с. 17—31]. На наш взгляд, предпочтительным является мнение тех авторов, которые, отстаивая двуединую роль наказания (его принудительное и воспитательное воздействие), решают эту проблему комплексно, исходя из того, что функции наказания многогранны. Это защита общества от преступных посягательств, которая немыслима без воздаяния за совершенное преступление; исправление и перевоспитание осужденных, превращение их в безопасных, полезных членов нашего общества. Это, наконец, предупреждение совершения преступлений в будущем. Такая постановка вопроса о целях наказания соответствует известному ленинскому положению о роли и соотношении убеждения и принуждения в социалистическом обществе. Выступая за использование принуждения в качестве необходимого метода перевоспитания, В. И. Ленин никогда не рассматривал его единственным методом борьбы с преступностью, он неоднократно требовал ра-